

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

А кто я теперь? Курт Воннегут

Posted By *Hunter* On 01.03.2011 @ 06:00 In Рассказы | [7 Comments](#)

«Клуб Парика и Маски» — наш любительский театральный кружок в Северном Кроуфорде — единогласно решил поставить этой весной «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса. Дорис Соьер у нас всегда была за режиссера, но на этот раз заявила, что ничего не получится — у нее серьёзно больна мать.

Вот и вышло, что эту руководящую должность навязали мне, хотя до сих пор мне приходилось руководить только рабочими, устанавливающими комбинированные алюминиевые рамы со ставнями, которые я продавал.

Конечно, я поставил кое-какие условия, когда брался за режиссерскую работу, и самое главное, что Гарри Нэш — единственный стоящий актёр в нашем кружке — взял ту роль, которую в кино играл Марлон Брандо. Когда распределяли роли, Гарри отсутствовал, и я не знал, возьмётся он за эту роль или нет. Он вообще никогда не приходил на наши собрания. Стеснялся. Не то чтобы он пропускал собрания из-за каких-то там дел. Женат он не был и вообще с женщинами не знался — да и среди мужчин у него друзей не было. Просто он избегал всяких сборищ по одной причине: он не мог двух слов связать без готового текста.

Так что пришлось мне на другой день тащиться в скобяную лавку Миллера — Гарри у него работает продавцом — и просить его согласия. По дороге я заглянул на телефонную станцию — они мне прислали счёт за разговор с Гонолулу, а я в жизни своей не звонил в Гонолулу.

Там я и увидел эту красавицу в первый раз. Она сидела за окошечком. И она мне объяснила, что телефонная компания поставила машину-автомат для выписывания счетов, но пока эту машину не отладили как следует и она что-то пошаливает. Она приехала недавно — привезла эту машину и должна была обучить местных девушек с ней управляться.

— А вы к нам надолго? — спросил я.

— В каждом городе я живу месяца по два, сэр.

Глаза у нее были синие, прелестные глаза, только ни надежды, ни любопытства в них не было, ни проблеска. Она мне сказала, что так вот и странствует из города в город уже два года — всегда и всем чужая.

И тут мне пришло в голову, что ведь она может сыграть Стеллу в нашей пьесе.

Стелла — это жена того типа, которого играет Марлон Брандо, жена человека, чью роль я хотел поручить Гарри Нэшу. Я объяснил ей, когда и где у нас назначены актёрские пробы, и прибавил, что своим приходом она осчастливит наш коллектив.

Она так удивилась, что даже немного ожила.

— Знаете, ведь мне первый раз в жизни предлагают принять участие в каком-то общем деле.

— Что же, — сказал я, — лучший способ сразу познакомиться со славными людьми — это сыграть с ними в одной пьесе.

Она сказала, что ее зовут Элен Шоу. Сказала, что сделает сюрприз мне и себе самой. Может, просто возьмёт да и придет.

Вы, наверно, думаете, что Гарри Нэш уже оскомину набил всему Северному Кроуфорду, играя чуть ли не в каждой пьесе. Совсем наоборот: не исключено, что Северный Кроуфорд до скончания веков будет с удовольствием смотреть на Гарри Нэша, потому что на сцене он никогда не был Гарри Нэшем. Когда в спортивном зале средней школы взвивался вверх малиновый занавес, Гарри и телом и душой превращался в того человека, которого выдумал и создал режиссёр.

Как-то кто-то заметил, что надо бы Гарри показаться психиатру: пора бы ему стать более интересным, ярким и в жизни — тогда он, по крайней мере, хоть женится, а может, и работу себе подыщет получше, чем у Миллера за пятьдесят долларов в неделю.

Когда я зашел к Миллеру и сказал Гарри, что меня назначили режиссёром и я хочу дать ему роль, он спросил, как обычно, когда ему кто-нибудь предлагал роль, и по правде сказать, это был грустноватый вопрос:

— А кто я теперь?

Актёрские пробы я проводил, как всегда, в зале собраний на втором этаже нашей Публичной библиотеки. Дорис Сойер. — наш постоянный режиссер — пришла поделиться со мной своим богатым опытом. Мы с ней вдвоём важно восседали наверху, а те, кто претендовал на роли, ждали внизу.

Чтобы доставить удовольствие Гарри — да и самим себе тоже, — мы попросили его читать сцену, где он бьет свою жену. И он так за это взялся, что мы будто увидели новую сцену, которой у Теннесси Уильямса и в помине не было. На Гарри был коротенький двубортный пиджачок, как у выпускника средней школы, со складочкой на спине, и крохотный галстучек красного цвета с лошадиной головкой. Он снял пиджак и галстук, расстегнул воротник, повернулся спиной к нам с Дорис — это он накачивал себя, чтобы войти в роль. И рубашка на спине у него лопнула — хотя с виду она была совершенно новая. Это он ее нарочно порвал, чтобы с самого начала

ещё больше походить на Марлона Брандо.

Когда он обернулся к нам, это уже был широкоплечий красавец, самоуверенный и жестокий. Дорис подавала реплики за Стеллу, его жену, и Гарри так ее закрутил, что эта очень-очень старенькая леди почувствовала себя очаровательной беременной девчонкой, чей муж, необузданный, как горилла, вот-вот расшибёт ей голову. А с нее это и на меня перекинулось. Я читал за Бланш — по пьесе это сестра Стеллы, — и провалиться мне, если Гарри не нагнал на меня такого страха, что мне показалось, будто я сам стал пьяненькой и увядшей красавицей южанкой.

И пока мы с Дорис приходили в себя, словно просыпаясь после наркоза, Гарри положил на стол пьесу, натянул пиджачок и снова превратился в бледного продавца из скобяной лавки.

— Ну как... как я, справился? — спросил он, и сразу было видно, что он вовсе не уверен, дадут ему эту роль или нет.

— Что ж, — сказал я. — Для первого раза не так уж плохо.

— Спасибо! Большое спасибо, — сказал он, пожимая мне руку.

— Скажите, вы там, внизу, не видели красивую девушку, новенькую? — спросил я. Я ждал Элен Шоу.

— Не заметил, — сказал Гарри.

Но оказалось, что Элен Шоу пришла-таки на репетицию и вдребезги разбила наши с Дорис надежды. Мы мечтали, что наш «Клуб Парика и Маски» в кои-то веки выпустит на сцену по-настоящему красивую, взаправду молодую девушку вместо очередной выдавшей виды сорокалетней особы, которую приходится всеми правдами и неправдами выдавать за девчонку.

Но Элен Шоу играть не могла даже под страхом смерти. Что бы мы ей ни давали читать, она оставалась той же барышней, с той же самой улыбкой наготове для каждого, кто придёт жаловаться на телефонные счета.

— Милая, — сказала Дорис, — я хочу задать вам один интимный вопрос.

— Пожалуйста, — сказала Элен.

— Вы когда-нибудь были влюблены? — спросила Дорис. — Я только потому спрашиваю, — добавила она, — что воспоминание о любви могло бы вас согреть, оживить...

Элен сдвинула брови и глубоко задумалась.

— Вы знаете, я ведь все время в разъездах. И там, где я бываю по службе, все

мужчины уже женаты, а я нигде не задерживаюсь надолго и ни с кем другим познакомиться не успеваю.

— Ну, а в школе? — спросила Дорис. — Разные там обожатели и детские влюблённости, а?

Элен и над этим вопросом глубоко задумалась и сказала:

— А мне и в школе приходилось то и дело переезжать. Папа у меня строитель, он все время ездил со стройки на стройку, так что я то с кем-то здоровалась, то прощалась — и все.

— Да-а, — сказала Дорис.

— А кинозвезды не в счет? — спросила Элен. — Нет, конечно, не взаправду, Я никого не видела — только на экране...

Дорис взглянула на меня, потом на потолок.

— Да-а, пожалуй, можно считать, что это тоже любовь. Тут Элен несколько оживилась:

— Я по многу раз смотрела фильмы про любовь и мечтала, что выхожу замуж за героя.

— Угу, — сказала Дорис.

— Большое спасибо, мисс Шоу, — сказал я. — Пройдите вниз и подождите вместе со всеми. Мы вас вызовем.

Пришлось искать другую Стеллу. Но не было такой — просто не было в нашем клубе ни одной такой женщины, с которой бы жизнь не стряхнула утреннюю росу.

Я вздохнула

— Одна сплошная Бланш!-то есть я хотел сказать, что у нас полно увядших женщин, которые могут сыграть роль Бланш, потрепанной сестры Стеллы.

— Такова жизнь: двадцать Бланш на одну Стеллу.

— А когда находишь Стеллу, — сказала Дорис, — обнаруживается, что она понятия не имеет о любви.

Мы с Дорис решили, что надо попробовать последнее средство. Надо заставить Гарри Нэша сыграть эту сцену с Элен.

— Может, он сумеет зажечь ее хоть чуть-чуть, — сказал я.

— Эта девушка — негорючий материал, — ответила Дорис.

Мы крикнули Элен, чтобы она поднялась к нам, и послали кого-то разыскивать Гарри.

На пробах — и даже на репетициях — Гарри никогда не оставался со всеми. Как только кончались его реплики, он мгновенно скрывался в какое-нибудь убежище, откуда ему было слышно, если позовут.

Элен поднялась к нам наверх, и тут мы с удивлением увидели, что она вся в слезах, — стало ужасно ее жалко.

— Господи, — сказала Дорис, — да что же это, милочка, что случилось?

— Ужасно, правда? — сказала Элен, не поднимая головы.

Дорис ответила единственной фразой, которой утешают в таких случаях расстроенных актеров-любителей:

— Ну что вы, дорогая, вы... вы чудесно сыграли.

— Ничего подобного, — сказала Элен. — Я ходячий холодильник, сама знаю.

— Она расплакалась ещё горше. — А что я могу поделать, если у меня такая жизнь? Я только и знала, что мечтать о кинозвездах, как идиотка. А когда я встречаю славного человека в жизни, я вдруг чувствую, словно меня посадили под стеклянный колпак, и, как бы я ни рвалась, мне даже и дотянуться до этого человека нельзя.

И Элен оттолкнула что то, словно и вправду ее окружал стеклянный колпак.

По лестнице кто-то гулко затопал. Похоже было, что водолаз выбирается из бездны в своих ботинках, подкованных свинцом. Это Гарри Нэш на ходу превращался в Марлона Брандо. Вот он показался в дверях — руки у него свисали чуть не до самого пола. Он уже настолько вошёл в роль, что при виде плачущей женщины презрительно скривил губы.

— Гарри, познакомьтесь, пожалуйста, — сказал я, — это Элен Шоу. Элен — Гарри Нэш. Если вы будете играть Стеллу, он будет вашим мужем.

Гарри и не подумал пожать ей руку. Он сунул руки в карманы, набычился и окинул ее с ног до головы таким взглядом, будто сразу содрал с нее всю одежду. Слезы у нее высохли в мгновение ока.

— Хотелось бы, чтобы вы сыграли сцену ссоры, — сказал я. — А потом — сцену примирения.

— Идет, — сказал Гарри, не спуская глаз с Элен. От этого взгляда одежда на ней испарялась так быстро, что она и прикрыться не успевала. — Идет, если Стелл не будет ломаться.

— Что? — сказала Элен.

Она стала красная, как помидор.

— Стелл — Стелла, — бросил Гарри. — Это вы — Стелл, моя жена.

Я раздал им тексты. Гарри выхватил у меня роль и «спасибо» не сказал. У Элен руки что-то не слушались, и мне пришлось вложить тетрадь в ее онемевшие пальцы.

— Что тут можно выбросить? — спросил Гарри.

— Что? — я не понял.

— Тут в одном месте написано, что я выбрасываю из окна приёмник, — сказал Гарри.

— Что бросать?

Я сказал, что приёмником будет железное пресс-папье, и открыл окно пошире. Элен Шоу перепугалась до смерти.

— Откуда начинать? — спросил Гарри, повёл плечами, и мышцы у него заходили ходуном, как у боксера, разминающегося перед боем.

— Начните на несколько реплик раньше того места, где вы бросаете приёмник, — сказал я.

— О-кэй, о-кэй, — сказал Гарри, а сам все раскалялся, раскалялся. Он пробежал глазами ремарки. — Так-так, — сказал он. — Я выброшу приёмник, она побежит за сцену, я ее догоню и врежу ей разок.

— Верно, — сказал я.

— О-кэй, детка, — сказал он Элен, и глаза у него сузились в щелки. — На старт! Внимание, крошка! Пошли!

Когда сцена кончилась, Элен Шоу была вся в поту, как портовый грузчик, и обмякла, как угорь без воды. Она села, приоткрыв рот, и голова у нее свесилась набок. Разлетелся вдребезги тот стеклянный колпак, под которым она чувствовала себя в целости и сохранности. Какой там колпак!

— Даешь роль или нет? — зарычал на меня Гарри.

— Даю, — сказал я.

— Давно бы так, — проворчал он. — Ну, я пошел... До скорого, Стелла, — бросил он Элен и вышел, изо всех сил грохнув дверью.

— Элен? — позвал я. — Мисс Шоу?..

— М-м? — сказала она.

— Вы будете играть Стеллу, — сказал я. — Это грандиозно!

— Да? — сказала она.

— Не знала, что в вас столько огня, милочка, — сказала Дорис.

— Огня? — повторила Элен. По-моему, она ещё не соображала, что под ней — стул или мустанг.

— Ракета! Фейерверк! Ведьмино колесо! — сказала Дорис. И вот мы начали репетировать по четыре раза в неделю. В первую же репетицию Гарри с Элен задали такой темп, что измотали всех участников, хотя те были увлечены как никогда. Обычно режиссёр ходит и умоляет всех учить роли, но мне об этом заботиться не приходилось. Гарри и Элен работали так здорово, что все остальные считали делом чести и совести поддержать их, и старались вовсю.

Мне здорово повезло — по крайней мере, я так считал. Все шло блестяще, с такой отдачей и накалом, что как-то мне пришлось сказать Гарри и Элен после одной любовной сцены:

— Знаете, оставьте хоть немного про запас. А то вы оба до премьеры не дотянете, понятно?

Я это сказал на четвертой или пятой репетиции, и рядом со мной в зале сидела Лидия Миллер — она играла Бланш, увядшую сестрицу. В жизни она была женой Верна Миллера. Верн — владелец миллеровских скобяных лавок и хозяин Гарри.

— Лидия, — спросил я. — Ну как, есть спектакль?

— Спектакль-то есть, это точно, — ответила она. Но она сказала это с таким выражением, будто я натворил Бог знает что, будто я ужасный преступник. — Можете гордиться.

— Что вы хотите сказать? — спросил я. Мне-то казалось, что я вправе радоваться и гордиться. — Разве что-то происходит за моей спиной?

— А вы не заметили, что эта девушка влюблена в Гарри?

— По пьесе? — спросил я.

— Причем тут пьеса! — сказала Лидия. — Вы только посмотрите на нее — сейчас-то никакого спектакля нет. — Она невесело усмехнулась. — Эту пьесу ставите вовсе не вы.

— А кто же? — спросил я.

— Мать-природа, и она уж спуску не даст, — сказала Лидия. — Только подумать, что станется с бедной девочкой, когда она поймёт, какой Гарри на самом деле. — Но она

сразу же поправила себя: -То есть поймёт, что он — никакой.

Я вмешиваться не стал — решил, что не мое это дело. Я слышал, как будто Лидия пыталась что-то предпринять, только ничего у нее не вышло.

— Знаете, — сказала Лидия Элен однажды вечером, — я как-то играла Энн Рутледж, а Гарри был Авраамом Линкольном.

Элен всплеснула руками.

— Это был рай, да?

— Более или менее, — сказала Лидия. — Порой я настолько увлекалась, что любила Гарри так, как Энн должна была любить Авраама Линкольна. Приходилось себя одёргивать, вспоминать, что Гарри никогда в жизни не будет освобождать рабов и что он всего-навсего продавец в лавке моего мужа.

— Он самый изумительный человек на свете, — сказала Элен. — Я никогда таких не встречала.

— Но, конечно, когда играешь вместе с Гарри, нужно заранее быть готовой к тому, что случится после окончания последнего спектакля, — сказала Лидия.

— О чем вы говорите? — спросила Элен.

— Когда представление окончено, — сказала Лидия, — то все, что вы там себе ни выдумали про Гарри, — все исчезает как сон.

— Не верю, — сказала Элен.

— Знаю, что поверить трудно, — согласилась Лидия.

Тут Элен вдруг обиделась.

— А зачем вы это рассказываете мне? — спросила она. — Даже если это чистая правда, мне-то какое дело?

— Я... я не знаю, — Лидия явно пошла на попятный. — Мне... просто показалось, что вам это будет интересно.

— Ни капельки, — сказала Элен.

И вот подошла премьера. Мы показывали спектакль три вечера подряд — в четверг, пятницу и субботу, и все зрители были прямо-таки сражены наповал. Они ловили каждое слово, верили всему, что происходило на сцене, и когда малиновый занавес пошёл вниз, их можно было тёпленькими везти в желтый дом следом за Бланш, увядшей сестрицей.

В четверг девушки из телефонной компании прислали Элен двенадцать алых роз. Элен вышла на вызовы к краю сцены, взяла розы и выбрала одну — для Гарри. Но когда она обернулась и протянула ему розу, Гарри уже исчез. Это была дополнительная сценка под занавес — девушка, протягивающая розу никому, в никуда.

Я пробежал за кулисы, отыскал ее — она все ещё сжимала в руке эту розу. Букет она куда-то забросила. В глазах у нее стояли слезы.

— Что я ему сделала? — спросила она меня. — Разве я его чем-нибудь обидела?

— Да нет, — сказал я. — Это у него такая манера. Как только спектакль кончается, Гарри удирает со всех ног.

— А завтра он тоже исчезнет?

— Не снимая грима.

— И в субботу? — спросила она. — Он же должен остаться на банкет — банкет ведь для всей труппы?

— Гарри в жизни не ходил на банкеты, — сказал я. — После того, как дадут занавес в субботу, никто не увидит Гарри до понедельника, когда он придет на работу в свою лавку.

— Какая жалость! — сказала она.

В пятницу Элен играла намного хуже, чем в четверг. Видно было, что она думает о чем-то другом. Она видела, как Гарри убежал после поклонов. И не сказала ни слова.

Зато в субботу она превзошла самое себя. Как правило, темп задавал Гарри. Но в субботу ему пришлось поднажать, чтобы угнаться за Элен.

Когда занавес опустился после всех вызовов, Гарри собирался смыться, но ничего не вышло. Элен не отпускала его РУКУ.

— Ну, мне пора идти, — пробормотал он.

— Куда? — спросила Элен.

— Э-э... домой, — сказал он.

— Прошу вас, пожалуйста, пойдёте со мной на банкет, — сказала Элен.

Гарри ужасно покраснел.

— Боюсь, что для банкетов я не гожусь, — сказал он.

Куда девался Марлон Брандо! Язык его не слушался, сам он стал робким

и перепуганным — словом, он стал тем Гарри, каким всегда был в промежутках между пьесами, — и это знал весь город.

— Хорошо, — сказала она. — Я вас отпущу. Но сначала дайте мне одно обещание.

— Какое? — спросил он, и я подумал, что если она сейчас отпустит его руку, он выскочит в окно.

— Я хочу, чтобы вы обещали подождать здесь, пока я принесу вам подарок.

— Подарок? — повторил он, окончательно впадая в панику.

Он дал слово. Без этого она бы не отпустила его руку. И он с несчастным видом стоял на месте, пока Элен ходила в гримерную за подарком. Пока он дожидался, все подходили и подходили к нему, повторяя, что он замечательный актёр. Но поздравления его не радовали. Он хотел одного — выбраться отсюда, и поскорее.

Элен вернулась с подарком. Она принесла маленькую синюю книжечку с широкой алой лентой вместо закладки. Это был Шекспир — «Ромео и Джульетта». Гарри не знал, куда деваться. Ему удалось выдавить из себя только «спасибо».

— Я тут отметила мою любимую сцену, — сказала Элен.

— М-м-м, — сказал Гарри.

— Вы не хотите посмотреть, какую сцену я больше всего люблю? — спросила она.

Пришлось Гарри открыть книжку там, где была алая лента. Элен подошла к нему совсем близко и прочла слова Джульетты:

«- Зачем ты здесь и как сюда проник? Ограда неприступно высока, за ней же — смерть, коль кто-то из родных тебя узнает».

Она показала на следующую строчку:

— Ну-ка, взгляните, что отвечает Ромео.

«- Крылатая любовь перенесла меня через ограду, — громко прочёл он своим обычным, будничным голосом. Но вдруг он весь преобразился: — Для любви нет стен неодолимых; любовь — всегда дерзание, и она преград не знает. Всей твоей родне меня не удержать», — прочёл он и выпрямился и стал на восемь лет моложе, стал смелым и радостным.

«- Но если они тебя увидят-то убьют», — сказала Элен и потихоньку повела его за кулисы.

«- Увы! Твои глаза опасней сотни шпаг», — сказал Гарри.

Элен повела его к служебному выходу.

«- Взгляни поласковой, и все враги на свете со мной не сладят», — сказал Гарри.

«- Я все бы отдала, чтобы они тебя не увидели», — сказала Элен, и это были последние слова, которые до нас донеслись.

На банкет они не пришли. Через неделю они поженились.

Видно было, что они очень счастливы, хотя по временам проскальзывало что-то странное — все зависело от пьесы, которую они читали вместе в это время. Как-то я зашел в телефонную контору — машина опять выписывала идиотские счета. Я спросил Элен, какие пьесы они с Гарри читали в последнее время.

— На этой неделе я была замужем за Отелло, меня любил Фауст и похищал Парис. Скажите, разве я не самая счастливая женщина на свете?

Я сказал, что тоже так думаю и что большинство девушек в нашем городе думают то же самое.

— Им никто не мешал, — сказала она.

— Многие не вынесли бы остроты ощущений, — сказал я. Потом добавил, что меня просили поставить ещё одну пьесу. Я спросил, можно ли пригласить ее и Гарри. Она ослепительно улыбнулась и спросила:

— А кто мы теперь?

Article printed from smartfiction: **<http://smartfiction.ru>**

URL to article: **http://smartfiction.ru/prose/who_am_i_this_time/**

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.